

Каждый год в поминальный день папа возил меня в Рудню на могилу расстрелянных четверых Мининых: Ейела Минина, 57 лет, его второй жены — мачехи моего папы Фани, 53 лет, и двух дочерей — Гени, 25 лет, и Муси, 17 лет. Сначала за городом была братская могила, потом было перезахоронение, где каждый погибший получил место и мраморную плиту с указанием имени и года рождения и смерти. Год гибели у всех на этом кладбище был один — 21 октября 1941 года. Папа встречался с друзьями, с соседями — с теми, кто пережил немецкую оккупацию, расспрашивал их о своей семье, и я, семилетний, слушал и запоминал. Вот несколько трагических историй из моей детской памяти...

## Муся

Когда немецкий отряд собирал всех евреев городка Рудня, что под Смоленском, для последующего расстрела, бабушка послала семнадцатилетнюю младшую дочку с надуманной просьбой к молочнице в соседнюю деревню в надежде, что молочница приютит девочку и та уцелеет.

Муся прибежала и передала просьбу.

— Посиди, попей молочка, — спокойно сказала молочница.

Девочке пить не хотелось.

— А что там такой шум и крик? — спросила молочницу.

— Как что? Евреев расстреливают там, — спокойно сказала молочница.

— И моих папу с мамой расстреляют??

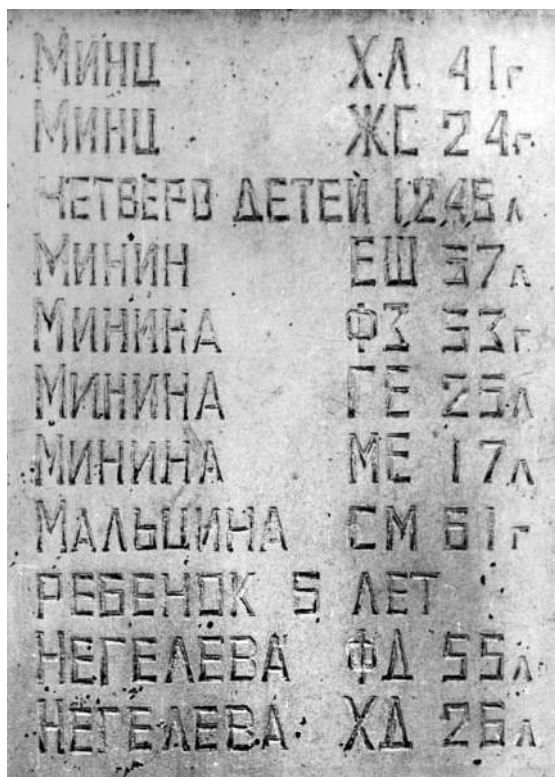
— И твоих, — спокойно сказала молочница.

— И я останусь одна?

— Да куда деваться? Будешь сироткой, — вздохнув, сказала молочница.

— Нет, — ответила девочка, — не буду сироткой, — и, развернувшись, побежала к родителям.

Когда папа вернулся с войны, молочница так же спокойно рассказала этот диалог. Второй раз она пересказала его при мне, семилетнем мальчишке. Я смотрел на её лицо, круглое, с чуть выпуклыми глазами, — на нём не было никаких эмоций. Папа очень любил младшую сестру. И рассказ о ней всегда слушал затаив дыхание, словно слушал саму Мусю. Но через год молочница умерла, и в соседнюю деревню больше мы не ездили.



## Альбом

Папиной мачехе Фаине сказали, что по городку идёт отряд фашистов, который собирал евреев в колонну для расстрела. Она побежала через чёрный ход к соседке:

— Маруся, спрячь, закопай два альбома в хлеву. Если Арончик вернётся — отдашь!

— Не волнуйся, Фаня, схожу и закопаю.

Маруся взяла лопату и закопала альбомы, упакованные в холщовый мешок.

Приближался шум толпы евреев, гонимых немцами по улице, и мачеха поскорее вернулась домой. В дом ворвались фашисты и выгнали пинками на улицу всю семью. Взять ничего не позволили, и семья бабушки и дедушки слилась с толпой идущих на расстрел за город, в сторону деревни Капустино. Конец дороги упирался в огромный противотанковый ров, частично заполненный дождевой водой.



не видит. Я пытался через родственников найти хоть какую фотокарточку, но увы...

## Предатель

После войны родственники расстрелянных под Рудней искали предателя — начальника полиции города, подонка по фамилии Коротченков. Того самого, который сопровождал немецкий отряд по городку, показывая дома, в которых жили евреи.

Искали подонка по всей России, во все адресные столы отправлялись запросы.

Но предатель как в воду канул.

Жизнь шла своим чередом. Отец и другие родственники убитых организовали сбор денег на памятник, который заказали у известного смоленского скульптора Ефима Кербеля. Горсовет выделил место для перезахоронения. На вскрытие братской могилы в противотанковом рву собралось множество родных расстрелянных для опознания погибших. Меня папа не взял. Но он рассказал, что когда вскрыли могилу — неожиданно сверху увидели труп начальника полиции, которого расстреляли последним. Предателя опознали по кожаной куртке, которую он всегда любил носить. У одного из присутствующих не выдержали нервы — он схватил за куртку полуразложившийся труп полицая и стал трясти и что-то кричать. Его успокоили, а потом судмедэксперты приступили к работе.

Маруся, худая, невысокого роста женщина, седая, встретила нас хмуро.

— Тётъ Маруся, не оставили папа с мамой что-либо — записку, вещичку какую-то? — с зыбкой надеждой спросил папа.

— Альбомы какие-то Фаня давала мне, чтоб закопала. Чтоб тебе передать, коли живой вернёшься с войны.

— Так где они? — оживился папа. — Я сам выкопаю. Ой, спасибочки, тётъ Маруся!

— Да нет их, — мрачно ответила Маруся. — Сожгла я их. Выкопала и сожгла. Не то немцы нашли бы — расстреляли бы всех.

— Так это ж альбомы, бумага — кто смотреть будет?..

— Нашли б — расстреляли бы, нашли б — расстреляли бы, — как робот, бубнила Маруся.

Папа взял меня за руку и пошёл. Я видел — он шёл и плакал: ничего не осталось от его семьи — даже маленького альбома. За несколько лет до смерти папа жаловался, что ему снится мама, а лица её

P. S. Наверное, многих интересует: а почему эсэсовцы расстреляли начальника полиции? Эту историю я нашёл случайно в Интернете. Её рассказала уцелевшая еврейская девушка, которую спрятали друзья. Причина расстрела самая банальная — воровство. Кто-то из полицаяев донёс, что их начальник скрыл ценности, награбленные у евреев. Видимо, ходил по еврейским семьям и за какую-то мзду обещал спасти.

После убийства всех руднянских евреев, командир эсэсовского отряда вызвал из строя начальника полиции и, ударив его кулаком в лицо, в упор расстрелял из пистолета. Перепуганных рядовых полицаяев, которые считали, что наступил их черёд, заставили положить труп своего начальника на тела убитых евреев и засыпать ров. Потом фашисты произвели обыск в доме у расстрелянного предателя и забрали всё им награбленное. Семья подонка на следующий день исчезла из городка в неизвестном направлении.

Собаке — собачья смерть.